

Теория и методология

Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея

© 2019

А.М. Каплуненко, В.В. Вишнякова

В работе анализируются персуазивные (убеждающие) высказывания в бюджетных посланиях южнокорейских президентов парламенту. Эффективность, убеждающая сила соответствующих текстов рассматривается авторами в качестве персуазивных элементов. Первоочередное внимание в статье уделено иллюкутивной силе персуазивных речевых приемов в выступлениях президентов Республики Корея.

Ключевые слова: Республика Корея, политический дискурс, персуазивное высказывание (персуазив), иллюкутивная сила, условия искренности.

DOI: 10.31857/S013128120005302-3

В Республике Корея с 2003 г. принято бюджетное правило, что 60% бюджетных расходов производится в первой половине года. В 2019 г. в силу сложившейся ситуации даже принято решение о выделении на первое полугодие 70% бюджета. Так, в январе—феврале 2019 г. 20% годового бюджета были реализованы, и это в условиях, когда январь и февраль традиционно считаются месяцами, в которых меньше рабочих дней, чем в остальных месяцах года. Каким образом президенту и правительству удастся убеждать парламент и граждан идти на такие особенности формирования и расходования бюджета, тем более что некоторые финансисты считают, что такое бюджетное правило может разогнать инфляцию, но в РК все эти годы она не превышает 2–2,5%? Немаловажную роль, на взгляд авторов, играет умение убедительно представить проект бюджетного послания перед широкой аудиторией — парламентом и народом. В предлагаемой статье анализируются тексты бюджетных посланий президентов РК, представленные в парламенте в период 2003–2018 гг., выявляются инструменты, используемые для воздействия на аудиторию. Иными словами, в текстах президентских

Каплуненко Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения Иркутского государственного университета. E-mail: amkaplunenko@mail.ru;

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, доцент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: vvishnyakova@hse.ru.

посланий выделены и исследованы высказывания, которые можно отнести к персуазивным (убеждающим).

К определению прототипического персуазивного высказывания

В современных лингвистических работах персуазивность нередко отождествляют с риторичностью¹, полагая, что ее основу составляют эмоционально-оценочные смыслы, убеждающие адресата не менее, а порой и более, эффективно, чем рациональные аргументы. По сути, такая позиция укрепляет первоначальное обращение к чувственной компоненте публичного обращения (например, проповеди), на чем настаивал еще в 1851 г. Дж. МакЛеод Кэмпбел². Развивая идею структурного представления персуазивности, российский исследователь А.В. Голоднов отмечает разграничение внешнетекстовой и внутритекстовой риторичности; при этом персуазивность отождествляется с первой: «Персуазивность представляет собой комплексную коммуникативную категорию, которую мы обозначаем как **внешнетекстовую риторичность**, или (макро)риторичность, в противовес внутритекстовой, или (микро)риторичности, понимаемой как **языковая характеристика художественного выразительного текста**»³ (выделено нами. — К.А., В.В.). Подчеркивая диалектическую связь между двумя разновидностями риторичности, А.В. Голоднов, казалось бы, решает проблему научного определения персуазивности, являющейся весьма динамичной категорией. Однако, на наш взгляд, при этом размываются границы категории, хотя расплывчатость категорий в гуманитарных науках признается ныне многими исследователями⁴. Тем не менее авторы статьи в значительной степени разделяют заключительный вывод А.В. Голоднова: «Единицей риторического метадискурса является **речевой макроакт персуазивности** (персуазив), представляющий собой **прототипический образец**, совокупность правил осуществления речевого действия, за которым конвенционально закреплена **персуазивная иллокутивная сила**»⁵ (выделено нами. — К.А., В.В.).

В основе проведенного авторами анализа лежит общепризнанная классификация речевых актов, предложенная Дж. Серлем⁶ и приведенная Д. Вандервеке⁷ к иллокутивной логике. Мы предлагаем рассматривать прототип персуазивного высказывания, некий инвариант, определяющий границы реального коммуникационного контекста как персуазивного, ориентированного на убеждение адресата.

Основные характеристики персуазивных высказываний президентов Республики Корея

Период 2003–2018 гг. в новейшей истории Республики Корея интересен для нашего исследования тем, что в это время наблюдались весьма сильные трансформации общественного сознания: отношения общества к власти, глобальным проблемам, традиционным конфуцианским ценностям и устоям. Доказательством таких сдвигов может служить революционная победа оппозиционных сил на президентских выборах в 2017 г., что сложно было предсказать буквально за год до событий.

Тексты бюджетных посланий президентов РК парламенту выбраны для исследования не случайно. В этом жанре политического дискурса весьма отчетливо представлено социально-политическое взаимодействие трех основных агентов: президента, парламента и избирателей. По социальной значимости и политической риторике эти документы напоминают ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию. Однако следует отметить, что в парламенте РК традиционно сильна оппозиция, поэтому совокупная иллокутивная сила бюджетного послания должна рассматриваться

с учетом «силы противодействия» оппозиции. Кроме того, эти послания широко освещаются в средствах массовой информации и их содержание доступно максимально широким кругам национальной аудитории.

В выступлениях каждого президента наряду с комментариями ключевых проблем, стоящих перед страной в соответствующий период (экономический кризис, улучшение/ухудшение отношений с Северной Кореей, внутриправительственная и внутрипартийная борьба), прослеживается изменение отношений между президентом и парламентом, между президентом и избирателями. Важно отметить, что традиционный корейский политический дискурс менее персонифицирован, менее индивидуален, чем, например, в «старых» демократиях Запада (Великобритания и США). Это во многом объясняется восточным типом мышления, которое, несмотря на все трансформации, до сих пор остается коллективным. Однако и в этой, казалось бы, устойчивой системе, наблюдается заметное движение от институционального к персональному — пусть больше по форме, чем по содержанию. Рассмотрим выступления действующего президента Мун Чжэ Ина⁸, имеющего высокую популярность среди населения страны.

Как отмечалось выше, близкий к прототипическому персуазив опирается на образ и поэтому может в равной степени вызвать энтузиазм, объединить — и посеять сомнения, разделить аудиторию. Тем не менее в ситуациях, требующих сугубо личной ответственности, Мун Чжэ Ин идет на определенный риск, прибегая к следующим образам: *требования граждан тяжелы как небо; бюджет — это горький плод* (выделено нами. — К.А., В.В.) Первое высказывание может интерпретироваться частью аудитории, не склонной к поддержке президента, как жалоба на непомерную тяжесть ответственности, а второе, с точки зрения той же аудитории, — как приукрашенная риторикой попытка «протащить» жесткий бюджет.

Представляется, что такие подозрения нейтрализуются фактором иллокутивной силы высказывания, известным как «условия искренности» (ср.: «психологическое состояние говорящего, выраженное в речевом акте»⁹). Большинство ключевых высказываний Мун Чжэ Ина — типичные перформативы: президент неизменно заявляет о собственной причастности к действиям правительства, например: *«согласно клятве, которую я давал перед гражданами / я считаю своей миссией выполнение всех обязательств»* и т.п. Кроме того, народные чаяния и стремления подчеркиваются как ведущий мотив действий руководителя: *«... если я выполню хотя бы половину того, что возложено на меня, то смогу считать, что осуществил свое призвание... / наши граждане всегда руководили политическими изменениями / сейчас время, когда президент реализует волю граждан»* и т.п.

Одновременно Мун Чжэ Ин манифестирует некоторую настороженность к действиям парламента, хотя и может объединяться с ним с помощью инклюзивного «мы», например, *«наша политика должна соответствовать ожиданиям граждан»*. Однако гораздо чаще в обращениях к парламенту звучат жесткие требования, весьма распространены перформативы *«я требую / призываю»*.

Как показывают приведенные примеры, президент усиливает условия искренности, используя преимущественно глаголы чувственного восприятия — явный знак иллокутивной цели «верьте мне, люди!» Иными словами, бюджетные послания Мун Чжэ Ина обращены больше к избирателям, национальной аудитории, способной поддержать его в случае противодействия со стороны парламента. Это закономерно, если учитывать сложную ситуацию в стране, сложившуюся после отрешения от должности предыдущего президента Пак Кын Хе.

Ли Мён Баку, возглавившему РК в 2008 г., также выпало непростое время. Перед ним стояла задача вывести страну из глубокого экономического кризиса, вызванного обрушением мирового финансового рынка. Условия искренности его персуазивных высказываний близки тем, что отмечены нами в бюджетных посланиях Мун Чжэ Ина. Ли Мён Баку также предпочитал перформативные высказывания¹⁰. Он еще решительнее, образно говоря, «срезал путь» к сознанию избирателя и шире — национальной аудитории в целом, принимая персональную ответственность за все происходящее в стране, а значит, не осложняя прямые отношения с народом ссылками на деятельность парламента или правительства. Характерны близкие к прототипическим персуазивы Ли Мён Баку, например: *«я хорошо знаю, как сейчас страдает наш народ, я понимаю трудности граждан, я чувствую до мозга костей боль наших граждан»* (выделено нами. — К.А., В.В.).

Однако, в отличие от Мун Чжэ Ина, представителя корейской политической элиты, Ли Мён Баку — выходец из деловых кругов. Его речевому стилю не свойственны глаголы чувственного восприятия; явно ощущается влияние стратегической максимы североамериканской деловой риторики — *«говорю то, что имею в виду, а что имею в виду, то и говорю»*: *«я настаиваю/ все присутствующие здесь должны взять на себя ответственность/ я обращаюсь с призывом»*.

Ли Мён Баку оправдывал данное ему прозвище «бульдозер» многими чертами речевого поведения. Самая яркая из них — склонность к концептуальным метафорам движения и/или пути, что можно считать характерным признаком его персуазивных высказываний. Соответствующие контексты явно были обращены в большей степени к общенациональной аудитории, чем к парламенту: *«на тревоги о том, сможем ли мы преодолеть кризис, я однозначно отвечаю: сможем/ мы должны верить в наш собственный потенциал, веря в него и действуя бесстрашно все вместе, мы непременно выйдем на желаемый путь/ мы непременно должны осуществить мечту о создании успешного государства. Это не выбор, это призвание, историческая судьба наших потомков/ надо уходить от старых правил, не соответствующих мировым стандартам/ надо ломать преграды и преодолевать барьеры»*. На наш взгляд, здесь иллюкативная сила персуазивных высказываний, опирающихся на концептуальную метафору пути, обеспечивается оценочными смыслами, которые свидетельствуют о призывах к переходу страны — в первую очередь, в экономической сфере — к североамериканским культурным ориентирам. Это и бесстрашные совместные действия (ср. известный афоризм Ф. Рузвельта «бояться можно только самого чувства страха»), и успех как прагматический положительный полюс (ср. «успешное государство»), и, наконец, апелляция к «мировым стандартам».

Таким образом, персуазивные высказывания Мун Чжэ Ина и Ли Мён Баку с необходимостью отражают особенности соответствующих периодов (времен культуры, по М. Фуко). Решающую роль в иллюкативной силе высказываний играют условия искренности, стимулирующие их преимущественную перформативность даже в таком институциональном жанре, как бюджетное послание.

Более традиционны в речевом поведении два других президента рассматриваемого периода — Но Му Хён¹¹ (2003) и Пак Кын Хе¹² (2013). Отсутствие насущной необходимости в социально-политических переменах позволяет им руководствоваться традиционными правилами подготовки текстов бюджетных посланий. Оба президента выступают от лица правительства, обычно указывая на подготовку документа высокопрофессиональными единомышленниками. Так, «правительство» часто фигурирует в бюджетных посланиях Но Му Хёна: *«успехи правительства / правительство и*

впредь будет последовательно продвигать / правительство будет стремиться к верховенству закона / правительство сделает все возможное / правительство создает проект / правительство приложит все силы / правительство выдвигает первоочередной задачей... / правительство постепенно и терпеливо выстраивает взаимоотношения с Северной Кореей» и т.п. Отсутствие перформативности сопровождается весьма показательным разбросом глаголов действия, не привязанных — в отличие от дискурса Ли Мен Бака — к определенной концептуальной метафоре. Президент перечисляет приоритетные направления деятельности правительства, уклоняясь от упоминаний о собственной роли и значимости.

Если иллюкутивная сила персуазивных высказываний Ли Мён Бака и Мун Чжэ Ина формируется благодаря условиям искренности, аксиологический компонент как ключевой признак персуазива обусловлен у Но Му Хёна апелляцией к общеизвестным социально-политическим ценностям (активность, верховенство права, знание приоритетов, дипломатичность и т.п.). Очевидно, сравнительно спокойное время в РК начала 2000-х не противоречило популизму, исключаящему инициативу первого лица. И — самое главное! — адресовано такое послание **в первую очередь парламенту**.

Аналогичной стратегии придерживалась Пак Кын Хе; при этом она использовала практически те же клише: *«правительство продвигает / правительство поддерживает / правительство приложит все усилия / правительство собирает все силы / правительство создало / правительство принимает меры / правительство должно выстроить / правительство будет прислушиваться к советам / правительство возвращается на правильный путь / правительство сделало все возможное / правительство будет расширять возможности / правительство увеличило»* и т.п. Однако разногласия между правительством и парламентом, отказ собственной партии в поддержке, обострение отношений с оппозиционным парламентом обуславливают непростую политическую ситуацию и заставляют Пак Кын Хе активизировать потенциал условий искренности. Но заметим, что адресат традиционный — парламент и правительство: *«Я считаю, что у меня нет таких тем, которые бы я не могла обсудить в парламенте; я считаю, что сейчас правительству и всем политикам необходимо, отбросив старые разногласия, объединиться ради граждан; я очень прошу / объединиться / подождать и поверить / закончить конфликты»* и т.п.

Послание Пак Кын Хе в большей степени адресовано национальной аудитории в следующих персуазивах: *«Я буду прославлять нашу культуру, популяризировать ее в мире / я считаю, что мы можем достичь рассвета / я стала президентом, чтобы создать страну, где все будут счастливы / у меня есть мечта — создать страну, где будут счастливы все граждане»*. Однако ни образное «достичь рассвета», ни интертекст от известного *I have a dream...* Мартина Лютера Кинга не помогают преодолеть популизм высказываний: в них очевидны общие традиционные ценности, не подкрепленные деловой напористостью Ли Мён Бака или чувственностью Мун Чжэ Ина.

Анализ политического дискурса в РК на протяжении последних 15 лет обнаруживает характерные особенности организации персуазивов даже в таком консервативном жанре, как бюджетное послание президента парламенту. Близкие к прототипическим персуазивные высказывания здесь редки (исключение — Мун Чжэ Ин, вынужденный решать проблемы этического порядка). Из триады участников дискурса «президент — парламент/правительство — избиратели» последний участник (избиратели / национальная аудитория / народ) выдвигается на роль приоритетного адресата в периоды кризисов. Ведущим фактором иллюкутивной силы персуазивов являются условия

искренности (дискурсы Ли Мён Бака и Мун Чжэ Ина). В относительно стабильные периоды приоритетный адресат — парламент/ правительство. В качестве ведущего фактора иллюкутивной силы персуазивов преобладают популистские апелляции к ценностям (Но Му Хён и Пак Кын Хе). Осложнение политической ситуации, по всей видимости, заставляет активизировать условия искренности. Именно условия искренности содержат наиболее значительный потенциал иллюкутивной силы персуазивов.

1. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка). Дис. д. филол. н. СПб, 2011. 402 с.
2. Campbell John McLood. Christ the Bread of Life. TheClassics.us, 2013. 26 p.
3. Голоднов А. Указ. соч. С. 134.
4. Фуко М. Археология знания. Киев: НИКА-ЦЕНТР, 1996. 207 с.
5. Голоднов А. Указ. соч. С. 134.
6. Searle J.R. Meaning, Communication, and Representation // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 209–226.
7. Vanderveken D. Meaning and Speech Acts. Vol. 1: Principles of Language Use. Cambridge University Press, 1990. 244 p.
8. Мун Чжэ Ин тэтхоннен 2018нен есанан кваллен кукхве сиджоненсоль: [Бюджетное послание президента Мун Чжэ Ина парламенту]. URL: <https://news.join.com/article/22071843> (дата обращения: 15.01.2019).
9. Searle, J. Expression and meaning. Cambridge: Univ. of Cambridge Publ., 1979. P. 5.
10. Ли Мён Бак тэтхоннен, кукхве есанан сиджоненсоль: [Президент Ли Мён Бак, бюджетное послание парламенту]. URL: <https://news.join.com/article/3353985> (дата обращения: 15.01.2019).
11. Ли Хэ-чан чхонни кукхве сиджоненсоль — Но Му Хён тэтхоннен: [Премьер-министр Ли Хэ Чан бюджетное послание парламенту — президент Но Му Хён]. URL: <http://www.mediatoday.co.kr/?mod=news&act=articleView&idxno=31698> (дата обращения: 16.01.2019).
12. Пак тэтхоннен «2015нендо есанан сиджоненсоль»: [Бюджетное послание парламенту президента Пак]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2014/10/29/0200000000AKR20141029067100001.HTML> (дата обращения: 15.01.2019).